

каждомъ кирпичѣ сохранились слѣды письменъ, можетъ быть означающихъ чье-нибудь имя; мы можемъ сказать, что въ продолжающемся на нашихъ глазахъ построеніи древней исторіи Рима каждый камень кладется вновь—съ именемъ Нибура“.

Затѣмъ, слѣдуя за Швеглеромъ, Кудрявцевъ разъясняетъ вопросъ объ источникахъ древнѣйшей римской исторіи и о народныхъ пѣсняхъ римлянъ; вопросъ о древнѣйшемъ заселеніи Италіи—о пелазгахъ, аборигенахъ и этрускахъ, причемъ высказывается противъ Швеглера за восточное происхожденіе послѣднихъ; вопросъ объ этнографическомъ составѣ римлянъ,—признавая за этрусками болѣе значительное вліяніе, чѣмъ Швеглеръ; преданіе объ Энеѣ,—причемъ дѣлаетъ вѣское замѣчаніе по поводу предполагаемаго происхожденія этой саги изъ Лавиніума; мнѣ о Геркулесѣ, гдѣ въ мнѣніи, что „идея Геркулеса выражала собою извѣстную степень историческаго сознанія“, слышенъ пеллингіанецъ. Въ концѣ статьи Кудрявцевъ разбираетъ преданія о Ромулѣ и объ основаніи Рима и затѣмъ подводитъ итогъ заслугъ Швеглера: „наконецъ, — говоритъ онъ, —мы, благодаря опытному и осмотрительному руководительству Швеглера, добрались до настоящаго историческаго материка на римской почвѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Мы нашли его не въ именахъ и дѣлахъ героевъ, которые сполна принадлежать сагѣ, а въ мѣстныхъ воспоминаніяхъ, скрывающихся подъ ними“. Кудрявцевъ отчетливо формулируетъ задачу критики, какъ ее расширилъ Швеглеръ—при помощи сдѣланнаго имъ открытія *этіологическаго* мѣта. „Угадать вымыселъ подъ формою историческаго сказанія лишь первое дѣло критики; второе и самое важное, это—найти самые мотивы вымысла въ его современности и осмыслить въ немъ всѣ подробности, которыя на первый взглядъ могли бы показаться чисто сказочными. Тогда критика становится вровень съ своимъ матеріаломъ, тогда она побѣждаетъ его“.

Слѣдовать далѣе за Швеглеромъ въ разъясненіи римскихъ преданій Кудрявцевъ не рѣшается. Онъ признаетъ, что вмѣстѣ съ новыми предметами ростетъ и самый интересъ изслѣдованія; „но мы,—говоритъ онъ,—подобно пловцамъ проплывшимъ пустынное море и завидѣвшимъ, хотя только издали, твердую землю, можемъ съ нѣкоторымъ правомъ повторить извѣстное восклицаніе: берегъ, берегъ! и, достигнувъ его, пріостановить наше плаваніе. Довольно видѣли мы обнаженныхъ скалъ, песчаныхъ отмелей и широкихъ безлюдныхъ пространствъ; довольно повстрѣчали мы на нашемъ пути лицъ безъ образа, призраковъ всякаго рода и историческихъ обломковъ разнаго вида, какъ бы случаемъ уцѣлѣвшихъ отъ боль-